

4-

ДЗВ

Дорогой товарищ,

Спасибо за письмо. Огорчения, какие Вам пришлось пережить, огорчили и меня. Но Вы правильно пишете, что не писал мне, чтобы меня "не трогать". Я всегда буду рад поучить от Вас вездь.

Если подготовка книги по Коминтерну закончена, то лучше было бы на мой взгляд не дожидаться моего приезда. До моего возвращения пройдет все-таки недели три. По приезде я должен буду в первую голову заняться всякими другими неотложными делами, а это повело бы к дальнейшей отсрочке выпуска книги. Лучше, мне кажется, сдать ее в набор теперь же. Если бы поладилось какие либо поправки или дополнения, я мог бы их внести в виде какого-либо предисловия или послесловия. Сдать книгу в печать можно через тов. Глазманна или через тов. Цорнаевского

В связи с Вашим новым документом, посвященным литературе, я размышлял над тем, в чем психологический гнев в наших разногласиях. Думаю, мне, что я его нашел. Многие беллетристики, поэты и критики-коммуны воспринимают искусство, как некоторое самодовольное, замкнутое в себе целое. Это может показаться на первый взгляд парадоксом, ибо ведь именно сторонники пролетарской литературы выдвигают на первый план социальный критерий. Тем не менее в утверждении моем никакого парадокса нет. Вы и Ваша группа относитесь к литературе так, как если бы она была единственными самодовольным и законченным средством коммунистического воспитания. На самом же деле литература является одним из средств воспитания и действует параллельно с другими средствами, а потому и оцениваться должна относительно. Коммунистический характер произведений Горького более, чем сомнителен. В них много анархо-индивидуализма, обязательской ограниченности, скрытой инстинктивности и пр. Это было бы опасно и встало бы нас поставить крест на Горьком, если бы воспитание пролетариата определялось целиком для главным образом литературой. Но на самом деле это не так. К литературе прибавляется пробужденный или пробуждающийся рабочий. И он берет из литературы то, чего ему не хватает, то, чего он не может получить другими путями. Литература прежде всего расширяет поле его зрения и лишь отчасти и далеко не всегда воздействует на угол его зрения. Надо твердо и ясно помнить, что художественная литература не есть микрокосм, а есть часть макрокосма.

- Но в таком случае, скажете Вы, различие между коммунистической литературой, попутчиками и белыми?

Ни в каком случае не различают, но подход к этим группировкам значительно различен. Что касается белых, то они неспособны расширить поле зрения, обогатить нас образным познанием жизни, ибо они ныли в тираж. Все, что они

41
пикет, это - перемены старого. Они не прибавили ни одной новой строки.

Что касается попутчиков, то здесь дело обстоит иначе. Они не повернулись спиной к революции, они глядят на нее, хотя бы и косым взглядом. Они видят многое, чего мы не видели и показываем нам это. В отношении футуристов Вы сами это признали, хотя и с явной односторонностью.

Конечно, было бы великолепно, если бы мы имели художественную литературу, захватывающую все поле и художественно охватывающую его под коммунистичным углом зрения. Но ведь такого рода программа выполняется на 0,001%, а этого мало, и этим микрокосмом никак не сделаешь. Надо поэтому подходить к литературе, как к части микрокосма. Да пролетариат фактически так и подходит к ней. Пробужденный рабочий относится к литературе активно, вторгается в нее, берет то, что ему нужно, т.е. то, чего он не находит в других областях своей духовной жизни. От того, например, попутчик, хоть скольконибудь расширяющий поле нашего зрения, более ценен, чем художник-коммунист, который ничего не прибавляет к тому, что мы слышали и прочувствовали до него и без него. В этом, мне кажется, суть дела.

Вы предлагаете мне написать о Я.М. Свердлове. Я бы очень хотел это сделать, но не уверен, выйдет ли. Дело в том, что я знал Я.М. достаточно, чтобы полюбить его, понять его огромное значение, но недостаточно много встречался с ним, чтобы иметь возможность многое прибавить к тому, что мне пришлось уже в несколько приемов рассказать о Свердлове. Я познакомился с Я.М. только летом 1917 г., при чем первые годы революции я больше прожил в разездах, чем в Москве. Вот почему я мог дать лишь общую оценку этой замечательной фигуры, но мало могу достать фактического материала для его биографии. Однако, это не отказ. Я еще подумаю, и может быть, удастся дать несколько страниц, которые не были бы простым повторением уже сказанного.

Крепко жму Вашу руку и желаю всего хорошего. Надеюсь скоро увидеть Вас.

Ваш Я. Троцкий.

28/II-24г.

Верно: /Ваш. Делопроизводством

